

Р. Р. НУГАЕВА

**СТРАТЕГИИ РАССМОТРЕНИЯ
НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ФИЛОСОФИИ:
ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ**

*МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
Г. МОСКВА*

***Аннотация:** В статье рассматриваются работы Бруно Латура и Тимоти Мортонa, касающиеся проблем вытекающих из неопределённости и сложности окружающего мира. Делается вывод о наличии двух не противоречащих друг другу стратегиях взаимодействия с неопределённой и усложняющейся реальностью: рациональное изучение и чувствование.*

***Ключевые слова:** неопределённость, сложность, Бруно Латур, Тимоти Мортон, философия, нестабильность, познание.*

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время идеалом науки была «теория всего», которая могла бы объяснить, как мир устроен и функционирует. Более того, Хокинг и Млодинов были уверены, что со временем сложное объяснение этой общей теории стало бы доступным для понимания абсолютно каждого [1, с 164]. Ясность, объяснимость и понятность мира казались вопросом времени и, как представлялось, приближали неминуемый конец науки. Однако вместо конца последовало новое начало.

С появлением теории динамических нестабильных систем, необратимости времени и неравновесных структур методология естественных наук обращается в сторону принятия «парадигмы сложности». Нестабильный мир, основными свойствами которого являются случайность, необратимость и непредсказуемость, меняет взгляд на многие естественно-технические и гуманитарные проблемы, давая место тому, что ранее не соответствовало классическому идеалу рациональности, опиравшемуся на детерминизм как на основной и обязательный критерий научности. «Детерминизм, долгое время казавшийся символом научного познания, в настоящее время сведён до положения свойства, справедливого только в ограниченном круге ситуаций» [2, с. 97].

Новая методология естественных наук, изменив вектор движения, стала ещё ближе к философии, так как у первой не осталось инструментов задавать рамки научности, но осталась необходимость запрашивать их. Поэтому представляется актуальным знакомство с теми философскими идеями, которые осмыслиют усложнившийся и неопределённый мир и предлагают разные стратегии совладания с этой бесспорно существующей, но все время ускользающей реальностью. Таким образом, целью данной статьи является первое приближение к философским

стратегиям рассмотрения неопределённости и сложности, как основных характеристик окружающего нас мира.

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТРАТЕГИИ РАССМОТРЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Бруно Латур констатирует, что «отсутствие научной определённости» используется для того, чтобы «дурочить» общественность в такой болезненной теме, как глобальное потепление. В этой ситуации, как на лакмусовой бумажке, виден разрыв между усложняющимся миром и тем, как он представляется людям, которые пытаются с этими процессами усложнения совладать. Неопределённость здесь выступает образом сложности и как бы сигнализирует о реальности, которая неуловимо присутствует и одновременно ускользает, втискиваясь в «маски» и «карнавальные костюмы», оставаясь всё время неузнанной. Нежелание принимать усложнение приводит к тому, что на смену научному дискурсу приходит конспирология, ловко обращающаяся с инструментами, которые когда-то были прерогативой науки и социальной критики [3].

Пытаясь вывести реалии, подвергаемые всестороннему сомнению, из-под предрассудков, утверждая необходимость бережного отношения к тому, что сконструировано, но при этом несомненным, Латур призывает вернуться к реалистической установке. Для этого, как считает учёный, предметы вновь должны «собраться» и стать Вещами — сложными, многосоставными, включающими как фактические, так и дискуссионные реалии. Таким образом, отношение человека к Вещам не должно редуцировать имеющуюся сложность. Это особенно важно потому, что из-под науки выбита почва и с «псевдонаучными» объяснительными принципами на перевес выступают «критические варвары» [3].

Латур, описывая и иллюстрируя стратегию «псевдонаучной» борьбы этих «вечно правых критиков», описывает замкнутый на себе круг, состоящий из двух шагов. Первым шагом происходит констатация фетишизма, т.е. развенчивание власти любого идола (религиозного, например) и наделение человека властью проецировать свою свободу воли на «чистый лист» реальности. Вторым же шагом человек объявляется вместилищем детерминирующих сил, и уже у объектов появляется власть влиять на поведение человека. «Антифетишисты разоблачают предметы, в которые они не верят, демонстрируя производственные и проективные

силы людей; затем, не проводя никакой связи, они обращаются к предметам, в которые они верят, прибегая к причинно-следственным или механическим объяснениям и разоблачая интеллектуальные способности людей, чьё поведение они не одобряют» [3].

Этот «перевертыш» позволяет манипулировать фактами и сводить всю сложность мира к ясным причинно-следственным связям. Латур разрывает этот круг, указывая на то, что нельзя одновременно не верить в религию, но свято верить в науку — эти явления несовместимы и потому требуют иной стратегии: здравого реализма и бережного отношения ко всему окружающему, а не только по отношению к тому, что нам дорого.

Латур освобождает вещи от «расколдовывания» и «упрощения»: «Предметы слишком сильны, чтобы с ними можно было обращаться как с фетишами, и слишком слабы, чтобы их можно было считать бесспорными причинами определённых бессознательных действий» [3]. Более того, предметы, какими бы слабыми они не казались — сопротивляются варварской и грубой критике.

Там, где к предметам пытаются приглядеться, чтобы увидеть реальность, вновь возникает теория неравновесных систем с её теперь уже вездесущей терминологией. Бифуркация появляется у Латура там, где он пытается преодолеть разрыв между фактическими и дискуссионными реалиями. Напоминая слова Уайтхеда о том, что все воспринимаемое является частью природы, и развенчивая претензию фактической реалии на единоличное господство в реалистической установке, Латур ведёт к идее «собрания» в вещи, т. е. призывает вернуться к самим Вещам. Осознанную сложность последних предполагается исследовать с использованием инструментов различных наук: у вещей есть свойство удивлять, и новая критика собирается перенастроиться, чтобы понять, как не только люди, но и вещи могут стать ещё более сложными, а значит — по-настоящему живыми и творящими.

Однако можно говорить о том, что уже сейчас есть вещи, которым не требуется дополнительное усложнение, так как предел их сложности и так превышает мыслимое. Тимоти Мортон называет такие вещи гиперобъектами и одним из таких гиперобъектов является глобальное потепление. Если Латур рассматривал глобальное потепление, как пример манипулятивного обращения с научными фактами, то Мортон обращает своё внимание на сам феномен глобального потепления и посредством изучения гиперобъектов стремится приблизиться к неопределённой реальности.

Как уже замечал Латур и позже сформулировал Даниил Аронсон, — глобальное потепление это то, о чем можно говорить «с уверенностью, хотя и без определённости» [4, с. 89]. Основными чертами гиперобъектов является их полная независимость от того, мыслит их человек или нет, они пребывают во времени и пространстве таких масштабов, какие не соизмеримы человеку, а потому отношения с ними невозможны — они «изъяты» из всякого взаимодействия» [4, с. 91]. Именно поэтому высказываниям о гиперобъектах присуща неопределённость, отсюда и знания о них могут быть только «вроде как истинными» [4, с. 93].

Более того, гиперобъекты нельзя контролировать, и это роднит их со сложными неравновесными системами, которыми они, по всей видимости, и являются (хотя могут и превышать очерченные физиками границы). К слову, невозможность контролировать последствия своих действий во взаимодействии с динамическими, неравновесными системами стало причиной призыва Пригожина быть более бдительными и аккуратными во взаимодействии с природой. Если в детерминированном мире предполагалось, что природа полностью поддается контролю, то в мире, которому присуща нестабильность, такой иллюзии нет [5, с. 49].

Как замечает Д. Аронсон, чувство сонастроенности гиперобъекту, которое недоступно через познание его в науке, становится реальным болезненным переживанием людей, занимающих диаметрально противоположные позиции в вопросе о том, реально ли глобальное потепление или это только выдумка [4, с. 98].

Однако сонастроенности требуют не только гиперобъекты, но и вещи окружающего нас мира. Выступая против антропоцентризма и призывая к тому, чтобы включить объекты (гипер- и не очень) в наш политико-экологический контекст, Мортон говорит о необходимости принять свою сопричастность и единство с миром, как снятие дихотомии субъект — объект. В этой плоской онтологии существовать — значит получать удовольствие от существования, и не мешать получать это удовольствие другим живым системам. Однако когда человек пытается «выжить», он одновременно забывает и о своём удовольствии, и об удовольствии окружающих: он становится «ненастроенным», вредящим, вследствие чего, предположительно, и наступила эпоха антропоцена.

Призыв Мортон: «Любите другие виды и позвольте им любить нас», говорит не только об открытости миру, но возвращает к основному способу взаимодействовать с ним — к чувству. Чувства (интуиция) — они всегда

в будущем, поэтому им стоит доверять; они обычно «в курсе» того, что на самом деле происходит, говорит Мортон. Более того, эстетическое выступает для него критерием истинности; и, в месте с этим, эстетическое — это ещё и гуманное отношение к миру. А именно оно сейчас требуется, ведь глобальное потепление — это эвфемизм для того, что вернее будет назвать глобальным вымиранием. Говоря о солидарности с нечеловеческими сообществами, Мортон пишет, что приветствовать призраков «чего угодно «живого», значит «... принимать призрачность, то есть отношение, в котором явление и бытие неотделимы друг от друга, так что исходная онтологическая неясность начинает выступать условием возможности существования как такового» [6, с. 68-69].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общий итог, можем констатировать две стратегии совладания с неопределённостью в философии, которые приобретают, в первом приближении, вид традиционной дихотомии «рациональное — чувственное». Бруно Латур предлагает изучать неопределённость, подходя к вещам с разных научных сторон и признавая сложность и многосоставность предметов. Тимоти Мортон предлагает вернуться к чувствованию реальности, её эстетическому переживанию, по сути, слиаянию с ней. Представляется, что взаимодействие со сложностью и неопределённостью не только не может осуществляться посредством стратегий, упрощающих представления о реальности, но и требует максимальной включенности всей сложности самого человека, т.е. и рациональной и чувственной его включенности в бытие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хокинг С., Млодинов Л. Кратчайшая история времени / под ред. А. Г. Сергеева. СПб.: Амфора, 2014. 184 с.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени: Пер. с англ. Изд. 5-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. 240 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).
3. Латур Б. Почему выдохлась критика? От реалий фактических к реалиям дискуссионным // Художественный журнал Moscow Art Magazine. 2015. №93. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/2/article/7> (дата обращения: 21.09.2019).
4. Аронсон Д. Климатическая неопределенность и подсветка для темной экологии // Логос. 2019. Т. 29. №5. С. 87-102.
5. Пригожин И. Философия нестабильности. Вопросы философии, 1991. №. 6. С. 46–52.
6. Мортон Т. Род человеческий: солидарность с нечеловеческим сообществом // Логос. 2019. Т. 29. №5. С. 57-70.